

Ольга
Марликова

Я ИРТЫШСКОЙ ВОДОЙ КРЕЩЕНА...

И навек потерявши покой,
За чужим очутившись порогом,
Я кочую, кочую душой
По родным недоступным дорогам...

М. В. Волкова

Когда приходила ночь и затихало все в доме, наступало ее время... Блаженных часов наедине с собой было уже никому и ничему не отнять: ни домашним хлопотам и заботам, поглощавшим и так скудные ее силы. Ни вечной тревоге за близких, ни жестокой свекрови, пытавшейся вытеснить ее из жизни сына.

Это было ее время, когда наедине с собой она могла предаваться воспоминаниям и поразмыслить о настоящем. Не отпускала лишь ностальгия, – она владела ею и днем, и ночью: пожалуй, одна она была спутницей Марии до конца дней. А еще – удивительный дар слова, поэзия – подруга и в горе, и в радости. Впрочем, горя в жизни Марии Вячеславовны Волковой, нашей соотечественницы, было гораздо больше!.. Порой хотелось все забыть, вычеркнуть из памяти: и бегство из Омска, и предательство чехов, и полный смертельной опасности Великий Сибирский Ледяной поход, «и трупы в крови на снегу», и добровольный уход из жизни отца...

А потом – унижения плена, иркутская тюрьма, арест и угроза жизни единственной ее опоре – мужу. Как в бредовом сне, ей виделась умирающая от тифа мать, похолодевшее тельце грудной дочери, которое застывшая от горя юная мама в переполненном эшелоне сутки прижимала к груди, не имея возможности похоронить. Это было в 1922 году в транссибирском поезде на пути к спасению. А после... горькое расставание с Родиной и бесконечные скитания на чужбине. Мария и предположить не могла тогда, что впереди ее ждут не менее тяжелые испытания: жизнь в нужде у чужих берегов, Вторая мировая война и опасный, длиною в тридцать километров, второй Ледяной поход.

...Это – путь над невидимой бездной
Под нависшим крылом катастроф! [1; 103]

Во времена, полные отчаяния и лишений, Муза была для нее утешением, давала надежду жить и «...остаться душою живою / До последней строки!» [1; 97].

¹ В названиях очерка и глав – строки из стихов М. В. Волковой.

Жизнь Марии, казалось, разделилась надвое. Счастливое, безоблачное детство, наполненные солнцем и светом воспоминания, и «первых строф блаженнейшая дрожь», и «...бытия главнейшая страница», и с преданностью дочери воспетый «...прежний мир, почивший и отпетый...» [1; 78] – с одной стороны. С другой – «как бред наяву»: нужда, страдания, потери и горькая участь изгнанницы:

Решительною резкою чертой
Жизнь делится на две неравных части:
С той стороны – что раньше было мной,
Здесь – памяти мучительное счастье [1; 78].

При «скудном освещении керосиновой лампочки», терзаемая памятью и ностальгией, Мария писала, изливая на бумагу страдания, и беды, и неизбывные мечты:

Что забыть бы надо – слово в слово
Вспоминаю ночи напролет,
А до боли нужного, живого
Кто-то страшный мне не отдает... [1; 16]

Так бывало в Литве, а потом в Германии, куда Мария, потеряв самых близких людей, бежала от преследований и российской смуты и где воистину расцвел ее поэтический талант.

«Принимая страданье как милость!...»

Мария Вячеславовна Волкова... Имя выдающейся поэтессы-эмигрантки, ее творчество по сей день неведомы ее землякам восточноказахстанцам. Мало того, и в кругах эмиграции в середине 50-х в Париже прошел слух о том, что никакой поэтессы Волковой не существует, что это псевдоним поэта Н. Н. Туровой, и ей, огорченной до глубины души, пришлось защищаться, доказывая свою реальность.

Между тем, о М. В. Волковой в превосходной степени отзывался и называл своей «золотой дочушкой» знаток и ценитель художественной литературы генерал П. Н. Краснов. Ее творчество высоко ценили литераторы и общественные деятели русской эмиграции: Г. Гребенщиков, А. Ачаир, Т. Баженова, Б. Зайцев, В. Ходасевич и др. В зарубежье вышли три книги ее стихов: «Песни Родине» (Харбин, 1936), «Стихи» (Париж, 1944), «Стихотворения» (Мюнхен, 1991). Она публиковалась во множестве русскоязычных сборников, газет и журналов: «Возрождение» (Париж), «Муза диаспоры» (Франкфурт-на-Майне), «Содружество» (Вашингтон), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Родимый край» (Париж), «Русская мысль» (Париж), «Современник» (Торонто), «Сибирский казак» (Харбин) и др.

Волкова вела активную переписку с писателями и общественными деятелями зарубежья, была посредницей в оказании помощи в переводе на немецкий язык автобиографической книги «Егоркина жизнь» писателя, нашего земляка, одного из лидеров русской эмиграции Г. Д. Гребенщикова; переписывалась с поэтессой-

эмигранткой, также нашей землячкой, Т. А. Баженовой и многими другими творческими людьми.

Перед памятью талантливой соотечественницы чувствую себя виноватой: как же долго я шла к постижению сути замечательной поэтессы-изгнанницы! Ее жизнь – воистину роман, полный трагических моментов, скитаний, перипетий, бед и несчастий. Дивлюсь, как хрупкая, с удивительно ранимой поэтической душой женщина могла вынести выпавшие на ее долю непомерные испытания физические и нравственные, смогла выстоять в обстоятельствах, казалось бы, непосильных и для закаленного человека... Все трудности она переносила стоически, принимая как данность, как неизбежное.

Первым «рассеял мрак неведения вокруг ее имени» и познакомил казахстанцев с творчеством Волковой журналист, писатель, представитель Союза православных граждан Казахстана в Санкт-Петербурге, член Союза журналистов России Максим Николаевич Ивлев. Бегло прочтя «Воспоминания», поспешно сделав выводы об антисоветских настроениях поэтессы и обвинив ее в симпатии к фашизму, я, дочь участника Великой Отечественной войны, казалось, забыла о новом имени отечественной литературы. Еще бы: мой отец и ее сын, одного года рождения, сражались в Великую Отечественную по разным сторонам фронта! И я, казалось бы, закрыла для себя это имя навсегда. Если бы не случайный, благодаря Г. Д. Гребенщикову, мой интерес к судьбе еще одной изгнанницы – Таисии Анатольевны Баженовой, дочери казачьего полковника и подруге детства Марии Волковой. Тогда же было найдено несколько восхитительных стихотворений Волковой, посвященных Таисии Баженовой.

Спустя короткое время Мария вновь «дала о себе знать» в объявлении, мелькавшем в интернет-магазине, о продаже ее книги «Стихотворения», вышедшей в Мюнхене в 1991 году. Уж не той ли Волковой принадлежал этот сборник, подумалось мне? Оказалось – той самой... И когда перед сыном встал вопрос, что подарить мне на день рождения, другого желания уже и быть не могло! Будто бы что-то долгих 15 лет вело меня к поэтессе-соотечественнице.

Получив заветную книгу, прочтя на одном дыхании и восхитившись поэзией, найдя в стихах любовь к родной земле, гордость за предков, жертвенность и благородство души, невольно вспомнила я строки стихотворения А. Несмелова. Как прав был поэт-изгнанник, написавший:

Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали.
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали! [3; 3]

А если все-таки попытаться осмыслить судьбу поэтессы, попробовать разобратся в ее жизненных перипетиях, понять причину мытарств на чужбине? Если пройти мысленно, шаг за шагом дорогами скитаний Марии Волковой, понять горемычную жизнь у чужих порогов, осмыслить истоки несгибаемости женщины, не сломленной невзгодами, и, возможно, найти ответ на вопрос: за что ей выпала такая судьба? И как Мария могла спасти свою душу, не запятнав ее мыслью о мести?

«Первый путь мой – сибирские степи...»

Что же на сегодняшний день нам известно о трагической судьбе поэтессы? Мария Вячеславовна Волкова родилась 2 (15) октября 1902 года в провинциальном городке Усть-Каменогорске Семипалатинской области (теперь Восточно-Казахстанская область).

К сожалению, о пребывании Волковых в Усть-Каменогорске нам пока ничего не известно. Однако запись в метрической книге усть-каменогорской Троицкой церкви свидетельствует, что 2 октября 1902 года в семье сотника «*1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка*» Вячеслава Ивановича Волкова и его законной жены Анны Сергеевны – «*оба православного вероисповедания*», – родилась дочь Мария. Восприемниками значились: «*Хорунжий Леонид Иванов Волков² и жена полковника Елена Сергеева Шайтанова*» [21]. Таинство крещения совершили протоиерей Александр Сосунов и псаломщик Евгений Пушкарев.

«И счастье так полно, что не нужны слова...»

Мария была единственным ребенком в семье. Ее отец, Вячеслав Иванович Волков (1877–1920), принадлежал к известному в Сибирском казачьем войске роду, по семейной легенде, ведущему начало от одного из казаков дружины Ермака. Был он очень образованным человеком: окончил Сибирский кадетский корпус (1895) и Московское 3-е военное Александровское училище (1897). Служил по большей части в Семиречье, в 1-м Сибирском казачьем полку. В 1913 году В. И. Волков успешно окончил Офицерскую кавалерийскую школу.

В стихотворении «Казак-отцу» Мария Волкова писала:

...Ты вырос среди акмолинских степей,
У сумрачных вод Иртыша,
И, к воле привыкнув, не знала цепей
Твоя огневая душа.

Товарищи... кони... походы... война...
Скитанья с младенческих лет...
И песни родные за чарой вина,
Которых прекраснее нет.

Талантливый военачальник, генерал-майор, участник Первой мировой и герой Гражданской войны, кавалер ордена Св. Георгия IV ст., Георгиевского оружия и множества других наград, В. И. Волков в истории Сибирского казачества известен как видный деятель Белого движения в Сибири – убежденный монархист, вдохновитель монархической организации «Смерть за Родину». Он был также участником одного из главных событий, приведших к власти адмирала А. В. Колчака. «Рыцарь без страха и упрека, образцовый командир сотни...» – так охарак-

² Л. И. Волков (1883–1920) – младший брат В. И. Волкова. Окончил Омский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Полковник (1918). Участник Великого Сибирского Ледяного похода. Погиб в тюрьме или расстрелян.

теризовал его полковой командир генерал П. Н. Краснов³, говоря о Волкове, как о человеке, никогда и нигде не погрешившем «против совести и присяги».

Мама Марии, Анна Сергеевна, родилась в Уральске в 1881 году. Она происходила из знатного старинного казачьего рода Толстых. Будущие родители Маруси познакомились в Семиречье, где отец Анны Сергеевны в 1895–1899 годах командовал Отдельной Западно-Сибирской казачьей бригадой.

Благодаря помощи двоюродной племянницы Волковой – Веры Георгиевны Толстовой⁴, проживающей в Москве, ее связям с родственниками из Санкт-Петербурга и Австралии мы получили интересные сведения о родословной Толстых. Вера Георгиевна пишет: «Мой дед, Павел Сергеевич Толстов (1878–1916) (брат матери М. Волковой. – О. Т.), – один из сыновей генерала от кавалерии терского атамана и наместника на Кавказе Сергея Евлампиевича Толстова... В семье Толстых было семеро детей: 4 сына и три дочери. Все Толстые – мужчины, и деды-прадеды, и зятья, – были военными, – Георгиевскими кавалерами, офицерами... Мой дед, Павел Сергеевич, уходя на войну, оставил каждому сыну по небольшой, в ладонь, иконе – образ Спасителя – в серебряном окладе. На обороте, на алом потемневшем бархате, надпись чернилами: “Господи, спаси и сохрани моего сына... имярек... дата 8 августа 1914 года”» [18].

В 1928 году в изгнании, в Литве, Мария Вячеславовна написала гекзаметром замечательные эпические строки о своей родословной, вероятно, имея в виду себя и родственников по линии матери, нашедших приют в Австралии:

Страшная, грозная буря над нашей страной промчалась,
Вырвала с корнем деревья и их беспощадно сгубила...
Дерево нашей семьи тоже – увы – надломила,
Но не погибло оно: на нем ветка живая осталась!
Ветвь ту судьба занесла в неизвестные дали –
Там она пышно пустила побеги и цветом покрылась.
За океаном же ветка поменьше, родная той объявилась,
Шепот их тихий седой океан подхватил –
и друг друга они услышали... [18]

Машенька росла в атмосфере любви и безоблачного счастья. Самые светлые воспоминания остались в памяти Волковой о родителях:

Моя рука в ладони загорелой.
В глазах отца счастливые лучи.
«Смотри, смотри, как степь хорошела –
Ее такой ты в сердце заключи!»

Отец и я – мы в тарантасе рядом,
Душа с душой ведет немую речь.
В мечтах и мать ушла куда-то взглядом,
Забыв, что шаль скатилась с зябких плеч.

³ П. Н. Краснов – генерал-лейтенант, атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией, писатель. С 1919 г. – в эмиграции в Германии, где активно участвовал в антибольшевистских организациях. В годы Второй мировой войны – пособник фашистов. По приговору Верховного суда СССР в 1941 г. повешен.

⁴ В. Г. Толстова (1957). Родилась в Москве. Работала в Российском Фонде культуры в должности редактора, исполнительного продюсера, руководителя программы.

Там впереди воспрянуло светило,
На край земли еще облокотясь,
И розовым сияньем окропило
Степь, небеса, а заодно и нас... [1; 47]

Маруся обожала отца, он представлялся ей «идеальным воплощением всего истинно русского. Влиянию его на меня не было границ. Вера в Бога, любовь к родине и преданность казачеству, вот – оставленное им духовное наследство». Стихи Маша начала сочинять рано. Быть может, поэтический дар Марии Волковой – это тоже духовное наследство отца?!

Когда с неба сбегали последние краски,
Опускаясь в вечерний провал,
Мой отец мне рассказывать сказки
Начинал.

...И вилась вокруг меня прихотливо и смело
Чародейная речь.
Отчего я тогда этих слов не сумела
Уберечь?..

...Не могла, не могла я понять, в чем дело,
И в беспечности детских лет
Не заметила, проглядела,
Что со мной был поэт! [1; 56]

О том, что отец писал лирические стихи, дочь узнала, к сожалению, поздно, когда его уже не было в живых...

П. Н. Краснов в 1939 году в книге «На рубеже Китая» (Париж), вспоминая боевых товарищей в бытность свою командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, писал: «...4-ю сотню при мне принял подъесаул Вячеслав Иванович Волков... Он был женат на уральской казачке... У него была единственная дочь – Маруся... Застал я ее восьмилетней девочкой с густою темною косою и громадными пытливыми глазами. Кто мог подумать тогда, что в кабинете командира 4-й сотни, на тахте, в углу, наблюдая за нашим спором, лежит будущая незаурядная Русская поэтесса, певец казачьей доблести, скорби и неизбывного горя?» [22; 1]

«Мама, – вспоминала Мария, – была не только ко всем доброжелательна, но и попросту добра, приветлива, сердечна, откровенна, способна на самопожертвование и как будто излучала тепло».

Ощущенье сладкого покоя,
Безопасности и теплоты
Каждый раз овладевали мною,
Если надо мной склонялась ты...

...Мы с тобой недолго были вместе,
Но живу еще твоим теплом,

Хоть меня никто не перекрестит
Так, как ты, бывало, перед сном... [1; 57]

Самые счастливые воспоминания детства у Марии Волковой связаны с Джаркентом, Верным и Тышканским лагерем, где служил отец.

«Джаркент – маленький рай...»

«Когда слышу слово “Джаркент”⁵ – невольно хочется улыбнуться хорошей, светлой улыбкой», – писала Мария Вячеславовна в эмиграции в мае 1933 года в очерке «Старые места». Маленький, тихий, уютный городок Джаркент, запрятанный в горах среди зелени садов... Одноэтажные саманные домики, широкие улицы, пирамидальные тополя, благоухающие акации, день и ночь журчащие арыки и мелодичное, «как колокольчики, кваканье лягушек по вечерам» [4; 271].

...И эхо гулкое звучит казачьей речью
В преддверье чуждых,
Заповедных стран...
Эх, не житье ль
В обильном Семиречье!..
Джаркент... Хоргос...
И радостный Тышкан!.. [2; 101]

В городке, затерянном «в Туркестанской глуши» у подножия Ала-Тау, приходилось проводить долгие годы службы Сибирским казакам.

...Тюбетейки в поэументе,
Цвет халатов режет глаз.
Мы у цели, мы в Джаркенте,
Новый дом теперь у нас!

Невозможно было не поддаться очарованию Джаркента, так что военный городок представлялся ей в воспоминаниях «светлым, зеленым островком среди далеко не дружелюбного моря».

«Мой прежний мир, почивший и отпетый...»

А потом был гарнизонный лагерь Тышкан, как «продолжение и завершение Джаркента», располагавшийся на «Тышканском плоскогорье, у подножия величественных снеговых Алатауских гор, на двухверстной высоте» [2; 98].

Как и в Джаркенте, в Тышкане «жизнь кипела, как в муравейнике»: шли походным порядком части; на тройках, «в объемистых тарантасах, ехали семьи офицеров со всеми пожитками... Скрипели арбами татары и таранчинцы – бойкий торговый люд, кормившийся около “урусов”». В предгорье наскоро, «по большей части на походную ногу», раскидывался военный лагерь, устраивался быт:

⁵ Джаркент основан в 1882 г., до 1942 – Яркент, в 1942–1991 гг. – Панфилов, с 1991 г. – Жаркент – город в Казахстане, центр Панфиловского района Алматинской области.

складывалась русская печь или плита, наспех сколачивался примитивный стол под простым деревянным навесом, оживали заброшенные солдатские бараки. А после: строевые учения солдат, залихватское пение казаков и пехоты, учебная стрельба, резкие крики команды, ржание лошадей, звуки трубы под немолчный шум кристально чистой Тышканки.

Навсегда запечатлелись в памяти Марии горные цепи, «как щетиной, обросшие соснами» и венчаемые огромной вершиной, сверкающей снежной шапкой упиравшейся в небо. Виделась степь, усеянная «мирадами полевых цветов» [4; 279]: лютиков, кукушкиных слезок, куриной слепоты, колокольчиков, — и лазурная бездна неба, в которую смотрела юная нездешняя Маша, лежа, безмятежно раскинув руки, посреди степи, алеющей «крапинками дикой клубники». Все это, казалось, осталось в той, призрачной, но такой счастливой жизни...

Жар земли ощущает рука.
Я лежу за зеленой стеною.
Надо мной в высоте облака,
Волокнистая ткань их легка
Словно перья из крыл,
Что, за солнце, задев, обронил
Ангел счастья в пути над землею...

Доживал лагерь последние дни... Снималась с полигона батарея. Бренча котелками, отправлялась «на зимние квартиры пехота».

Город Верный

О службе отца в Семиречье, городе Верном у Марии были как светлые, так и трагические воспоминания, связанные с верненским землетрясением 1910 года. Первое, что вспоминалось ей, — сильные руки отца, порывисто выхватившего дочь из постели, чтобы на нее не обрушилась печь, вблизи которой Маша спала. Как металась в панике мать, порываясь выбежать на улицу «неодетую, как была» [4; 283]. Отец, со свойственным ему самообладанием, сделав все для безопасности семьи, распорядился развести костры и «наметом помчался в сотню, чтобы узнать, как перенесли землетрясение его казаки» [4; 283]. Вернувшись домой только утром следующего дня, рассказывал, что в городе «разрушения ужасны», и взволнованно повторял: «Надо помочь, помочь немедленно».

Скоро, по его распоряжению, в город отправились походные кухни, и «из улицы в улицу, с утра до вечера» в течение первых трех дней после несчастья подкармливали нуждающихся «жирными горячими щами с кашей и вкусным солдатским хлебом» [4; 283]. Так Сибирские казаки первыми пришли на помощь пострадавшим верненцам.

В 1913 году отец был вновь направлен в Верный со своей любимой 4-й сотней 1-го полка. Второе пребывание в Верненском лагере было, по мысли Марии, особенно счастливым. «Все нам жилось тогда как-то особенно хорошо. Говорят, так всегда бывает перед большим несчастьем» [4; 285].

«Крута моя тропа и камениста,
Но уклониться от нее нельзя...»

И оно не заставило себя долго ждать! «С вторичным моим пребыванием в этом городе опять-таки связано воспоминание о катастрофе, но такой, от которой потряслась и рухнула вся Россия, а именно – там застало мою семью объявление Великой Войны» [4; 284]. Уходили последние годы прежней России...

Прощай, золотое мое Семиречье, –
Тебя ли, Сибирь ли я больше люблю? –
Печаль о разлуке стряхну с своих плеч я,
И в новую жизнь без оглядки вступлю.

«Великая война катастрофически вторглась в жизнь страны и в жизнь каждого в отдельности. Наша семья была сплошь военная, потому из тревоги – общей и собственно за своих – мы не выходили», – пишет Мария Вячеславовна в «Воспоминаниях» [4; 284]. Вскоре отец был назначен на Кавказский фронт, и Маша с матерью поехали в Тифлис попрощаться с отцом, а после отправились в Петроград к родителям Анны Сергеевны, где прожили до 1917 года.

Петербург, град Петров, Петроград –
Сплыв тумана, воды и гранита –
Сколько боли, волнений, утрат
И безумья в тебе пережито!

«Словно траур надела на себя до времени ставшая взрослою душа» Маруси, в это время учившейся в гимназии. В столь тревожное время девочке «как-то стыдно было чему-нибудь радоваться, думать о развлечениях, веселиться». Отец героически сражался на Кавказском фронте, где «сразу же отличился: получил Георгиевский крест... затем Георгиевское оружие. Мы гордились им и дрожали за него...» [5; 111]

Двадцать первого декабря 1914 года за взятие турецкого знамени 8-го пехотного Константинопольского полка в конной атаке под Ардаганом отец был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Маруся с нетерпением ждала отцовские письма, полные мастерских описаний картин природы, боев, фронтового быта.

...Его письмо. Его привет.
Рука знакомая, родная.
Тогда был жив, теперь – не знаю.
И все равно, покоя нет!

Кокчетав. «Простота нравов царя умирительная...»

Два года шла война... Отцу Марии полагался отпуск, и родители уговорились встретиться в Кокчетаве, а оттуда всем вместе наведаться в Омск, после чего совершить «...чудную поездку на пароход по Иртышу».

В июне 1916 года мать и дочь из Петрограда отправились в Кокчетав на встречу с отцом. Однако повидаться им удалось лишь в конце августа. Несмотря на долгую разлуку, время, проведенное в Кокчетаве, и «все то, что проглядела

раньше», спустя 17 лет в эмиграции виделось Марии Вячеславовне непомерно счастливым. И это, полное безмятежного счастья и надежд, время накануне российской катастрофы, она живописала в стихотворении, где видится чудесная картинка, залитая солнцем, благоухающая богородской травкой и дымком от костра, ароматом ухи и запахами реки:

...Мы сидим на Чиглинке с утра –
На рыбалке не ведаешь скуки.
Чебаков уже есть с полведра,
Да еще три чудесные шуки!

...Жарко. Китель отец расстегнул,
На лице загорелом улыбка.
Вот он удочку ловко рванул,
И взвилась красноперая рыба...

«И жизнь висит на нитке тонкой...»

Политическая обстановка в России накалялась. Разваливался фронт, страна на краю гибели. «Все неотступнее, все грознее чувствовалось приближение чего-то стихийного, неотвратимого, несущего гибель всему... И страшное совершилось!

Кровь полилась внутри страны» [5; 112].

Свершилась судьба неминуемая, –
И молча – под свист и стоны –
Сошла наша Русь могучая
Сама со ступеней трона! [16; 7]

«Следующий отрезок моей жизни, – писала Мария в воспоминаниях, – не поддается ни упрощению, ни сокращению: его до конца заполняет образ моего отца в его героической обреченности...» [5; 112]

В 1917 году В. И. Волков получил назначение возглавить 7-й Сибирский казачий полк, прибывший с фронта в начале 1918 года и расквартированный в Кокчетаве. К этому времени жена и дочь через Украину и Тамбовскую губернию «с большими трудностями перебрались в Сибирь к отцу» [5; 112]. Далее были Омск, Иркутск, снова Омск и Петропавловск.

Не будем описывать политические события, происходившие в Сибири затем. Немалая роль в Белом движении Сибири принадлежала отцу Марии Вячеславовны. В. И. Волков был одним из руководителей антибольшевистского военного подполья и контрреволюционного восстания мая – июня 1918 года, главным исполнителем колчаковского переворота в Омске и руководителем операции по ликвидации отряда П. Ф. Сухова на Алтае. Он был командующим Иркутским военным округом и командиром Сводного казачьего корпуса, воевавшего на Восточном фронте. Это был человек, до конца преданный своему вождю – Верховному правителю Колчаку. В октябре 1918 года «За выдающиеся боевые отличия» он был произведен Колчаком в чин генерал-майора.

За всеми трагическими событиями следовало финальное для генерал-майора В. И. Волкова – Великий Сибирский Ледяной поход ⁶. Накануне исхода Мария Волкова вышла замуж за человека, ставшего ей опорой на всю оставшуюся жизнь. Сын лютеранского пастора из Сувалкской губернии (Литва), Александр-Гвидон Эмилиевич-Александрович Эйхельбергер был личным адъютантом отца. К тому времени Александр был уже поддесаулом и кавалером орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Александр был старше Марии на 11 лет, но это не смутило Анну Сергеевну. Она «с полным доверием благословила будущего заступника будущей сироты...» [5; 113]. По данным метрической записи, найденной П. А. Новиковым, поддесаул Александр Эйхельбергер двадцати семи лет и дочь командующего войсками Иркутского военного округа Мария Волкова, шестнадцати лет, *«обвенчались 27 (14) января 1919 года в Михайло-Архангельской церкви города Иркутска, в том самом храме, где венчался А. В. Колчак»* [8; 318].

Лидия Александровна Титова (Панкратова), двоюродная сестра Марии Волковой, вспоминает: «Жили Маруся с Аликом на частной квартире, но комната была обставлена очень уютно их мебелью» [20; 18]. В марте 1919 года В. И. Волкова назначили командиром Сибирского сводно-казацкого корпуса, и Волковы из Иркутска переехали в Петропавловск, а оттуда, в конце мая 1919 года, после отправки корпуса на фронт, семьи офицеров в штабном эшелоне следовали по направлению к Уфе. Но, в связи с отступлением, эшелон в июле передислоцировали, и в это время случилось крушение состава на станции Гробово» – между станциями Михайловский завод и Нижне-Сергинской. К счастью, «семья тети Нюси и дяди Вячи (родители Марии. – О. Т.) уцелела...» [20; 19]. По свидетельству В. А. Шудякова, в результате диверсии погибло 16 человек, 44 было ранено.

«И уходя, я уносила Благословенный образок...»

В конце июня 1919 года В. И. Волков командовал конной группой Второй армии. Анна Сергеевна и Маша следовали за отцом. В результате с самого начала Великого Сибирского Ледяного похода семья Волковых передвигалась в обозе конной группы отца.

Л. А. Титова, участница Ледяного похода, вспоминает, как казаки с семьями «на разных таратайках, плетеных шарабанах – не знаю даже, как их и назвать, – в одно дождливое холодное утро двинули в неизвестном для нас направлении... и так и ехали с конца августа 1919 года до 11 февраля 1920 года» [20; 19].

Бескрайние сибирские поля,
Бескрайние сибирские равнины...

⁶ Великий Сибирский Ледяной поход – принятое в Белом движении название отступления Восточного фронта армии адмирала А. В. Колчака зимой 1920 г. В ходе операции в тяжелейших условиях сибирской зимы был совершен беспрецедентный по протяженности, почти 2000-километровый конно-пеший переход от Барнаула и Новониколаевска до Читы. Руководил походом главнокомандующий Восточным фронтом Генерального штаба генерал-лейтенант В. О. Каппель, назначенный на эту должность в середине декабря 1919 г. После его смерти 26 января 1920 г. командование войсками принял генерал С. Н. Войцеховский.

Намокшая, продрогшая земля...
Березки чахлые да голые осины...
Колеса, жалобно скрипя, уходят в грязь,
Лошадки тащатся едва от утомленья.
За ними вслед, нестройно разбредясь,
Идут печальные, измученные тени... [16; 14]

Так поэтически обреченно рисует картину отступления Белой армии Мария Волкова в стихотворении «Крестный путь». Теснимые красными, остатки армии отступали на восток. Отставший от основных частей небольшой отряд Волкова в 30–40 человек, включавший офицеров штаба, их вестовых казаков, около десяти человек жен и детей, зимой 1920 года продолжали свой неимоверно трудный зимний поход через сибирскую тайгу. В течение десяти дней они следовали по Транссибу в румынском эшелоне, бывшем в составе эвакуировавшегося Чехословацкого корпуса. Следуя на восток, им приходилось вступать в бои с преследовавшими отряд частями 5-й Красной армии. Готовясь к очередному бою, румыны порекомендовали отряду Волкова следовать дальше своим ходом, заверив, что впереди опасности нет, и обрекая их тем самым на гибель. В сложившейся ситуации – обозу, значительно отставшему от основных сил, – угрозой были и иркутские большевики, и красные партизаны. На пределе физических возможностей, четверо суток без единой ночевки В. И. Волкову приходилось вести отряд по заснеженной тайге.

Костры горят по сторонам дороги,
Бросая свой зловеще-тусклый свет.
Что это: явь или кошмарный бред?
Горит лицо и стыннут, стыннут ноги...
Глухая ночь. Все призрачно и странно.
Кругом бело, но мрачно до тоски.
Дорога наша это – грудь реки,
Реки обманчивой, живой, непостоянной...
Какой мороз!
А теплый кров – не скоро...
Немеет тело, жизнь уходит прочь...
Вокруг – тайга. Вверху над нами ночь,
Внизу – река и страшные зажоры! ⁷

Выбившимся из сил людям с риском для жизни изредка удавалось переночевать в глухих таежных селениях. Лежа в каком-то помещицьем доме в «случайном углу» «без сил на соломе», Мария безропотно ожидала своей участи:

Разбивались какие-то волны...
Расходилса кругами огонь...
Я лежала и стыла безмолвно
В нараставшем кошмаре погонь.

⁷ Зажор – опасная наледь на северных сибирских реках, часто покрытая лишь тонким слоем льда, покровом снега.

Больше страшным уже не казалось
 Недалекое черное дно:
 Отдохнуть бы хоть самую малость,
 А потом все равно, все равно! [1; 75]

«Говорить о постепенном умирании надежд, о горечи отступления в глубь Сибири и о роковом последнем дне даже и через 60 лет мне очень трудно», – писала Мария Волкова [5; 113].

11 февраля каппелевцы уже начали переход через Байкал, и в сложившихся условиях изнуренному отряду догнать остатки Белой армии и объединиться было невозможно. Измотанный отступлением, отряд Волкова следовал вдоль железной дороги. 10 февраля 1920 года в районе разъезда Китой, западнее Иркутска, обоз был окружен 15-м стрелковым полком Восточно-Сибирской Красной армии.

**«В дымке выюжной февральской белой
 Водит смерть хоровод в пути...»**

Засада красных подпустила обоз ближе и открыла огонь. В стихотворении «Последний день» Волкова воспроизводит трагические события рокового дня:

По опушенной снегом поляне
 Утром тихо, устало мы шли...
 Это утро в кровавом тумане –
 Как его пережить мы смогли?
 Но, увы, – и не все пережили!
 Помню – выстрелы... Лица врагов...
 Нас толпою они окружили...
 Сердце сжалось... но не было слов... [8; 307]

Генерал Волков, «выдержанный, всегда владеющий собой человек», на глазах у дочери и жены предпочел пленению смерть. Всю боль души от потрясения, не поблекшую в памяти за годы скитаний, Мария выразила в стихотворении «Казачу-отцу»:

Могу ли забыть твой ужасный удел,
 Страданий немых ореол?
 Надежды разбились, весь мир опустел,
 Ты сдаться на милость врага не хотел!
 И гордо из жизни ушел.
 И свой одинокий последний приют
 Нашел ты в тайге вековой.
 Там звери надгробные песни поют,
 И древние сосны твой сон стерегут,
 Мой бедный отец и герой! [8; 308]

Анна Сергеевна просила разрешения проститься с мужем, но ей отказали:

Не позволили даже проститься!
Мертвых грабили... Слышался смех.
О, за что все, – рассудок мутился, –
За какой неискупленный грех.

Все погибло. Но мы не рыдали,
Шли безмолвно, куда нас вели:
Свое горе мы стойко скрывали
И святыню свою берегли!

...А они, затаивши обиду,
На поляне остались лежать...
И в ночной темноте панихиду
Стали звери по ним совершать! [8; 308–309]

«Когда я была моложе, – писала Волкова, – я утешалась мечтой увековечить то время, те события и людей, направлявших события, в живом и широком романе... Судьба не допустила этого.... Те события давно заслонены другими – важными по-иному. Людей такого “калибра”... больше нет...» [5; 112]

Пленников, в их числе и младшую сестру Анны Сергеевны – Лидию Сергеевну Панкратову, ее мужа и детей, спустя два дня переправили в Иркутск и 14 февраля посадили в губернскую тюрьму. «Седьмым заключенным в камере оказалась А. В. Тимирева, возлюбленная Верховного правителя А. В. Колчака!..» [9] «В тюрьме мы пробыли недолго, – вспоминала Мария Вячеславовна. – Нас не ликвидировали, а выпустили по приказу председателя Сибревкома, ревизовавшего тюрьму, – товарища, видимо, принадлежавшего к вымирающему типу идеалистов». В предместье Иркутска Анне Сергеевне удалось найти вросшую в землю крошечную избушку, на Князе-Владимирской улице. В убогом пристанище овдовевшие сестры⁸ с детьми прожили недолго – в тюрьме Анна Сергеевна «заразилась сыпным тифом». Она была слишком слаба и «измучена, чтобы перенести еще и это... Мама не стало...», – пишет Мария Волкова. Скоро тифом переболели почти все. «Мы чувствовали себя как-то уже вне жизни – апатично ждали конца» [5; 113].

Но семнадцатилетнюю Марию вновь испытывала судьба. Полуголодной, еле державшейся на ногах, ей пришлось бороться за мужа – вызволять его из тюрьмы. Участь главной опоры оставшихся в живых женщин и детей, Александра Эйхельбергера, была в руках, к счастью, хорошего следователя, – «добродушного русского парня, которого впоследствии расстреляли за мягкое отношение к заключенным» [5; 113].

«Без упрека свой жребий приемлю...»

«А затем наступил страшный 20-й год, – вспоминала Волкова в очерке «Милые казачьи лица». – Позади – Великая война, ужасы Октября, Сибирская эпопея, недавняя тюрьма и трупы, трупы...» [22; 3] После освобождения мужа необходимо было срочно покинуть Иркутск, где еще недавно командующим военным округом

⁸ А. П. Панкратов (1876–1920) умер в иркутской тюремной больнице.

был отец Марии. Александр окончил курсы народных учителей, и осенью 1920 года они укрылись в бурятском поселке Верхний Хамхар Нукутского района. Эйхельбергер заведовал школой, за труды им «платили натурой», и они не голодали. В феврале 1921 года Мария родила первенца – дочь Асеньку.

Вскоре в Прибалтике возникли три республики, и Сувалкская губерния, родина Александра, отошла к образовавшейся независимой Литве. Литовское представительство в Москве дало положительный ответ, и супруги предприняли попытку выбраться из большевистской России.

«Что толкнуло нас в неизвестную даль?» – задается вопросом Владимир Сергеевич Толстов⁹, – дядя Марии, в предисловии к своей книге «От красных лап в неизвестную даль». И отвечает: «Каждому честному русскому человеку, оставшемуся в живых от “бескровной революции”, не могут быть непонятны причины этого: коммунизм нам не по душе, и новым паразитам не хотелось отдавать ни труда своих рук, ни своей крови. Тяжел был наш путь, но он не закончен. Куда нас бросит вновь судьба? Неизвестно. Теперь же мы, как и большинство русских, только существуем, на что-то надеемся и вполне сознаем, что дальнейшее меньше всего зависит от нас самих» [15]. Владимир Сергеевич Толстов, патриот, истинный сын России, смог вместе с уральскими казаками в походе через четыре страны сбросить войсковое знамя!

«Русским быть – жестокое счастье...»

Зимой 1921 года с десятимесячной дочерью на руках Эйхельбергеры и Панкратовы тронулись в Москву, откуда должны были покинуть Россию. И вновь Марию ждали тяжелейшие испытания. Сначала их путь лежал в город Михайлов, где в 1915–1917 годах жили Панкратовы.

Во время пересадки из поезда Сибирской железной дороги в Рязано-Уральский Асенька простудилась. «Моя родина потребовала от нас еще одну жертву: наша девочка не перенесла зимнего путешествия в холодных вагонах, заболела воспалением легких и умерла...» [5; 113].

Смерть вошла величаво своей поступью твердой
И наполнила сразу весь примолкший вагон.
С торжеством огляделась и с усмешкою гордой
Прекратила последний и мучительный стон.

Все сейчас же почуяли ледяное дыханье,
Но никто криком ужаса не прервал тишины:
Уходило невинное Божье создание,
Безответная жертва ненасытной войны!.. [16; 20]

Беженцев приютили давние знакомые Панкратовых – чета Лебедевых. Они жили около Свято-Покровского женского монастыря на «Черной горе», и Васи-

⁹ В. С. Толстов (1884–1956) — участник Первой мировой и Гражданской войн, генерал-лейтенант, последний атаман Уральского казачьего войска, последний командующий Уральской отдельной армией. Эмигрировал в Китай, а затем в Австралию. Автор книги «От красных лап в неизвестную даль» (Константинополь, 1921 г.).

лий Михайлович был настоятелем церкви при монастыре. «И похоронили мы ее (Асеньку. – О. Т.) на этой самой «Черной горе» у алтаря церковного...» [20; 24] – читаем в мемуарах Л. А. Титовой. Придя немного в себя, Эйхельбергеры отправились в эмиграцию через Москву. И хотя отъезд в Литву был, по сути, для них спасением, все же «как тяжело было покидать Родину навсегда!»

Сибирь, Урал – уже за мной,
И позади осталась Волга.
Я покидала край родной,
Не думала, что так надолго.
Живет надеждой человек:
Прощаясь, жаждала я встречи.
И тихо падал мне на плечи
Последний нежный русский снег..
Пока дышу, пока жива,
Мне этот день все будет сниться.
Первопрестольная Москва –
Опустошенная столица,
И этот мягкий зимний свет,
Чуть затуманенный метелью,
И перед близким новосельем
Печаль, которой меры нет [5; 113].

Как же постигнуть все, что творилось тогда в России? Нет, я не пытаюсь комментировать события, не берусь оправдывать в том противостоянии ни «белых», ни «красных»! Но невольно соглашаюсь с писателем Б. К. Зайцевым, эмигрировавшим в Германию, а потом во Францию. Трезво оценивая прошлое России, осознавая закономерность ее трагической обреченности, он писал: «Тучи мы не заметили, хоть бессознательно ощущали тягость. Барометр стоял низко. Утомление, распушенность и маловерие как в верхах, так и в средней интеллигенции – народ же “безмолвствовал”, а разрушительное в нем копилось. Тяжело вспоминать. Дорого мы заплатили, но уж, значит, достаточно набралось грехов. Революция – всегда расплата...» [14; 15] И все-таки желаю понять: кому была нужна эта братоубийственная война? На примере истории жизни нашей соотечественницы, достойно и покорно испившей свою горькую чашу до дна, можно судить, сколько горя народу принесли революция, Гражданская война, а потом и фашизм! Нет, забыть об этом нельзя! Чтобы не повторилась история!

**«А в мешочке крохотном из шелка –
Горсть земли... она везде с тобой!»**

В феврале 1922 года Эйхельбергеры эмигрировали, и «началась жизнь за рубежом»: в Литве, а потом в Германии. Первым пристанищем был литовский городок Волковиск. К сожалению, в «Воспоминаниях» М. В. Волковой, опубликованных М. Н. Ивлевым, отсутствует глава о первых годах вне России. Остается лишь догадываться, чего стоило им прижиться на чужой земле. В Литве в 1924 году Мария родила сына Александра.

Здесь же в 1932 году написана красивая поэма о любви сибирского казака и красавицы казашки «Катын-ай».

Но как бы трудно ни жилось на чужбине, именно в Литве, а потом в Германии расцветал ее поэтический талант. Прожив в Литве приблизительно десять лет, Эйхельбергеры перебрались в Восточную Пруссию, в местечко Хейдебрух, где им предстояло провести следующие десять лет.

Отец мужа – пастор Эйхельбергер, купил им большой участок с каменным домом, фруктовым садом и запущенным огородом. И потекли полные забот, трудов и печалей дни... Для дочери генерал-майора все было ново и тяжело. Притеснения свекрови, по сути владелицы дома, иногда доводили ее до отчаяния. «Но я была молода и, хотя с надтреснутым здоровьем, все же справлялась с несвойственной мне нагрузкой...» [5; 115]

В Хейдебрухе у Эйхельбергеров в 1935 году родилась дочь Ольга. Вопреки неудовольствию свекрови, Мария не взяла няньку, а воспитывала девочку сама и, несмотря на немецкое окружение, говорила с ней по-русски.

Конечно же, главным утешением в деревенской глуши, в ее нелегкой скитальческой жизни была поэзия. «Мария Волкова действительно жила стихами, они хранили ее родную речь и ее мысль. Доброта и сила этой мысли, чистота и точность русского языка в этой поэзии таковы, что можем говорить об этой поэтессе как об открытии для нас...» [1] – отзывался о творчестве Волковой в 1989 году поэт Вячеслав Куприянов.

Годы неприкаянности, страданий и потерь не погасили и замечательную внешнюю красоту Марии Волковой, и об этом нельзя не сказать! В начале работы над очерком у нас имелась лишь одна фотография поэтессы. Но, благодаря родственникам Волковой, мы можем видеть несколько ее снимков разных лет, запечатлевших удивительно тонкий, аристократический облик поэтессы. Вглядитесь в это благородное, полное гармонии лицо Мадонны! Сколько огня и одновременно покорности в этих глазах, словно бы смотрящих в душу сквозь тернии времени! Сколько грации в фигуре! Это лицо страстной, цельной, поэтически одаренной дивы чарующе притягательно. В нем высвечиваются и природный ум, и долготерпение, и твердость, и сила духа. Огромные, умные глаза словно излучают свет души и жизнелюбие; они полны внутреннего огня и поэзии, гармонии и чистоты! Таким женщинам поэты посвящали стихи, ими восторгались, они блистали на великосветских балах.

Но вчитайтесь в ее стихотворение «Королева»! Оно о нездешней, возможно, несбывшейся Марии! В нем вся человеческая, женская суть поэтессы. Пламенному и верному рыцарю, ставшему рабом божественной красоты своей королевы – богине с профилем античной камеи, желающему создать в ее крохотной комнатке «мирок волшебных грез», возложив все восхитительные цветы к ее ногам, «королева» отвечает в стиле непритязательной Марии Волковой:

– О, мой друг, вы обещали много!
Но своею комнаткой убогой
Я горжусь и не хочу иной!
И зачем мне ваши орхидеи?
О, поверьте: мне была б милее
Веточка черемухи родной! [16]

«Казачья память прошлому верна...»

Романтические чувства, праздное любование красотами природы, мечты и надежды... Все было и осталось, казалось, в той, призрачной жизни. А пока... А здесь... в чуждом мире скитаний и горя...

Несмотря «на десятилетия прозябания на отшибе» [22; 5], Мария Волкова не прерывала связей с соотечественниками-эмигрантами. Часто на помощь приходил старший друг, который не оставлял поэтессу в безрадостном существовании.

«Благодаря П. Н. у меня всегда был обильный материал для чтения: каждую неделю неукоснительно я получала пачку русских газет! Это были “Возрождение” и “Последние новости”, аккуратно сложенные и надписанные всегда одним и тем же знакомым, милым почерком. П. Н. знал обо мне все и не переставал оберегать меня от опасности в конце концов превратиться всего лишь в рабочую машину» [5; 115].

Поэтесса старалась быть в курсе всех событий, случавшихся в русском рассеянии. Так, в 1930 году в парижском журнале «Родимый край» Волкова откликается стихами на знаменательное событие, произошедшее в жизни казачества за рубежом. Шестого сентября французский «Комитет пламени», с 1921 года поддерживающий Неугасимый огонь на площади Звезды в Париже, предоставил внеочередное право зажечь пламя на Могиле Неизвестного Солдата российским казакам. Это было свидетельством большого уважения французских властей к их подвигам в Великой войне.

Тогда на Елисейских полях собралось около 2000 казаков, проследовавших торжественным маршем к Триумфальной арке под сенью войсковых знамен. В стихотворении «6 сентября 1930 г.» Мария Волкова поет во славу Российскому казачеству:

Гляди, Париж, – их годы не сломили,
Их бодрый дух в изгнание не угас:
Они верны своей исконной были,
И тот же все огонь открытых глаз!

На зов вождя слетелись отовсюду,
Прогнав усталость – прямо от станка,
И ты, Париж, приветствуешь, как чудо,
Не тень, не миф – живого казака!

П. Н. Краснов заочно ввел Волкову в парижский «Кружок казаков-литераторов», председателем которого был Н. Н. Туроверов. И уже в конце 20-х – начале 30-х годов в эмигрантской казачьей периодике, в том числе в издаваемом «Кружком» журнале «Станица», стали появляться ее первые публикации в Харбине и Париже. А в 1936 году в Харбине при поддержке эмигрантов вышел первый сборник ее стихов «Песни Родине».

Всю свою тоску и боль по утраченной Родине и прежней жизни истинная дочь России выразила в «Посвящении». Строки его звучат как гимн любви и верности Отчизне, «как дар, как дочерний привет» Родине, хоть и «уславшей» ее «к чужим, холодным берегам», но не погасившей веру в ее Возрождение:

...Пусть – нищета, пусть все кругом – не наше,
Пусть коротка непрочной жизни нить, –
Я пью безропотно мне посланную чашу,
Благодаря за счастье РУССКОЙ быть!

И если не войду под сень Твою, Родная,
Не устояв в болезни и в борьбе, –
Умру, за то судьбу благословляя,
Что петь могла Тебе и о Тебе! [16; 3]

Родина представлялась поэтессе страной обетованной; каждая строка ее творчества пронизана светом любви и острой тоской по утраченному.

В пронзительном стихотворении, посвященном сыну, Мария Вячеславовна рассказывает Алику о Родине, призывая его молиться и верить в то, что он когда-нибудь, непременно, вернется «в родимый Дом, как сын»:

...И ты б хотел попасть туда, скажи?
Но всюду – люди, всюду – рубежи
И тьма преград.
И нам, изгнанникам с израненной душой,
Ни здесь, ни там, сынок мой дорогой.
Никто не рад!..
Не три глаза... и брось глядеть в окно!
Верь, всей душой я чувствую одно:
Ты будешь там!
Будь тверд, не гнись, не отступай в борьбе, –
И тот простор, что незнаком тебе,
Увидишь сам...
Ты что? Не плачь! – Мы здесь не навсегда! –
Пройдут года... Пройдут еще года
Среди руин.
Но встрепенется Русь, окованная злом,
И позовет... И ты в родимый Дом
Войдешь, как сын.

1934

Первый сборник стихов М. Волковой в казачьем зарубежье не прошел незамеченным. «...Стихи звучны и образны, прелестны своей простотой, без всяких модных кривляний. Прекрасная книга, то грустью щемящая до боли сердце, то радующая вас образностью воспоминаний и мощью казачьего духа» [22; 7], отмечал донской казак, писатель Василий Степанович Крюков в № 21 (1937 г.) журнала «Станица» (Париж).

Отрадным событием в духовной жизни Марии Волковой была публикация ее стихов и очерка «Старые места» в юбилейном, посвященном 350-летию Сибирского войска, сборнике «Сибирский казак». Он издан войсковым представительством Сибирского казачьего войска под редакцией Е. П. Березовского. «Героическими усилиями» изданный сборник уникальных материалов по истории Сибирского

казачества вышел в 1934 году в Харбине на собранные по крупичам деньги казаков из Китая, США, Кореи, Франции, Литвы.

И эта сохраненная в очерках, написанных по памяти, история Сибирского казачества не могла не вызвать восторга и благодарности казаков и других представителей русской эмигрантской культуры.

**«И внимала Грусть словам рассказа,
Шевеля надломленным крылом...»**

В 1937 году Мария Волкова победила в конкурсе на лучшее произведение казаков-литераторов, объявленном парижском журналом «Станица». Мы узнали об этом благодаря конкурсному номеру журнала, что выслал в наш музей из США журналист Андрей Власенко.

Мария Вячеславовна представила на литературный конкурс поэму «Ночная беседа», где рассказывается о том, как в канун Нового года в парижском ресторане встретились четверо старых друзей, выпускников кадетского корпуса, четыре казака: донской, кубанский, уральский и сибирский.

Плел узор разнuzданных мелодий
Надоевший неизбежный джаз.
На беспутном человечьем сброде
Отдохнуть не мог усталый глаз.
В ласке танца трепетали плечи,
Доносился нежно шелка хруст,
И свободой прихоти отмечен
Этот мир влекущих женских уст.
Серебрились искорки в бокале,
Жало сердце терпкое вино.
А мгновенья жизни исчезали,
Беспрестанно капали на дно...
Равнодушны к праздничному гулу,
Четверо сидели за столом.
Кралась Грусть, скользя от стула к стулу,
Шевеля надломленным крылом...

И вот эти «прошлого осколки», служившие родине «за совесть, не за страх», поведали каждый свою историю. Донской казак теперь поет в русском хоре. Кубанский – патриот, корниловец – вынужден работать таксистом. А уральский казак пережил много утрат. В поэме рассказывается, что Белое войско отступало с бесчисленными боями. Глава «остатков верной сотни», завернул в родную станицу, чтобы увезти с собой отца. Но старик отказался покидать родной дом:

В тихом взгляде было столько ласки,
Столько было в голосе любви!
– Уходи, – сказал он, без опаски,
Но отца с собою не зови...

– Как прощались – говорить не буду.
Страшный путь прошел я до конца.
А в живых остался только чудом,
По молитве старого отца!

А потом казак узнал от земляков, что его старого отца взяли в заложники за сына и «извели в подвалах Соловков...».

Казака-сибиряка ждала не менее страшная участь. Ему довелось испытать Великий Сибирский Ледяной исход:

Пробивались. Стыли, голодали,
В сердце ропот крепко затаив,
Зверской пытке где-нибудь в подвале
Предпочтя лишения, страх и тиф...

В этом походе казак потерял жену. Она отстала с отступающими женщинами и детьми и попала в плен. И тогда казак решил пробраться в стан врагов и отыскать ее:

Без погон, в истрепанной шинели,
С клочковатой дикой бородой
Я все шел, не унывая, к цели,
Сговорившись с доброю Тайгой.

В Иркутске, ни от кого не прячась, он бродил, голодал, «спал в канавах и в хлевах». Потом случайно вышел на след жены и узнал, что она умерла в бараке для тифозных...

И совсем не слыша вскриков джаза,
Потонули четверо в былом...
И внимала Грусть словам рассказа,
Шевеля надломленным крылом...
Снова первый молвил: «Ноют раны,
И безумно тянет отдохнуть,
Но ни люди новые, ни страны
Не заставят выбрать новый путь!
– Не судьба ль столкнула нас друг с другом,
Принеся сюда издалека:
Двое нас с корниловского Юга,
Он – с Урала, ты от Колчака.
– Будем верить! Сердце не обманет,
Озарит же счастье, наконец, –
И вернутся в степи сын Кубани,
Сибиряк, Уралец и Донец!
Нас одна воспитывала Школа,
Нас одна воспитывала Мать,
И теперь не жизни произволу
Нас согнуть, разбить и изломать!

– В нас годами дух не искалечен,
 Вера в правду зреет в глубине.
 Хорошо, что бог послал нам встречу,
 Хоть бы даже... и на этом дне!
 В уголке раскрашенного зала
 Разговор, все замирая, смолк.
 А вокруг вино лилось в бокалы,
 И хрустел в объятьях нежный шелк...

**«И все же, поэт, не молчи –
 Дай простор своему вдохновенью...»**

В конце 1930-х годов «Кружок казаков-литераторов» выпустил «Казачий альманах». «Владислав Ходасевич¹⁰ в “Возрождении” посвятил подробную, очень сочувственную статью этому казачьему изданию», – пишет Волкова в воспоминаниях. Особо Ходасевич отметил напечатанные в нем стихи М. Волковой «Землепроходцы»: «...Тут столько умения сказать все, что надо, что это приходится назвать уже настоящим мастерством». «На очередном собрании Кружка много говорили тогда об этой статье... и пили за мое здоровье», – признается Мария Вячеславовна [5; 116].

О лестном отзыве Ходасевича на стихи сибирячки Волковой не без иронии и высокомерия 1 марта 1939 года пишет М. В. Карамзина¹¹ И.А. Бунину: «...Вот стихи в “Казачьем альманахе” он... расхвалил без всякой кислой мины, особенно какую-то Марию Волкову, о ней прямо восторженно отзывался. Я бы хотела прочесть ее стихотворение, чтобы знать, что именно Ходасевичу нравится...» [13; 678]. На это Иван Алексеевич, с не меньшим сарказмом, 29 марта 1939 года из Ниццы отвечает: «...Волкову не читал. Ходасевич всегда такой – чего моя нога хочет – вот захочу и превознесу, захочу – в порошок сотру или по плечу похлопаю» [13; 679].

Позднее, благодаря тому же парижскому «Кружку казаков-литераторов», в 1944 году в Париже вышел ее сборник «Стихи».

О чем же поет наша соотечественница в изгнании? В ее душе «бьются крылья песни», чтоб «вырваться из сердца» и оставить память о самом главном, что спасало Марию на чужбине, – о Родине! Эту святыню, как ладанку, она пронесла сквозь годы эмиграции:

Она – как тень... она за нами – всюду...
 Проклясть ее? – Нет! плачу и молюсь:
 «Пусть над тобой свершится Божье чудо,
 Несчастная, затравленная Русь!»

Родина ассоциируется у Волковой с Сибирью, с ее закаленным, щедрым и сильным народом, со славными победами покорителей сурового края и скром-

¹⁰ В. Ф. Ходасевич (1886–1939) – поэт, мемуарист, критик. В эмиграции с 1922 г.

¹¹ Карамзина М. В. (1900–1942) – русская и эстонская поэтесса, прозаик, литературный критик, переводчик, автор книги «Ковчег». Эмигрировала в Чехию, затем в Эстонию. В 1941 г. сослана в Сибирь, в Нарымский край. Умерла в лагере Нового Васюгана Томской обл.

ной, застенчивой, но пленительной красавицей – олицетворением Сибири, что «тихонько, не для показа, живет в сторонке – в лесу»:

Кто лучше в нее взглянется,
Признает ее красу,
Покинуть ее не сможет
Не волей судьбы, а сам,
И сердце свое положит
Навеки к ее ногам! [1; 45]

Не только в сердце, но и в песне, Мария Вячеславовна стремилась «...не оскорбить погибшее забвеньем», а в характерном для нее элегическом стиле запечатлеть память о самом дорогом, чем гордилась:

Разве можно не видеть во сне,
Как бредешь по родной целине,
Ни косы не знававшей, ни плуга,
Где ковыль, что в былинах воспет,
Оковал с незапамятных лет
Тело степи блестящей кольчугой? [1; 51]

А еще в поэзии изгнанницы воскресает вся, шаг за шагом, горемычная ее жизнь, полная скитаний и бед. Счастливых дней поэтессе жизнь отмерила мало. Быть может, потому добро и зло, свет и тень, вечное и бренное – все в поэзии Волковой противоборствует и никак не обретет желанного покоя. Часто нерастрачены ее напевы, возвращающие памятью к трагическому минувшему. Нередко в поэзии она идет «по самому краю», всегда на грани, на острие, зачастую в соперничестве двух начал, двух крайностей: «Расцвет и смерть:/ Таинственная смежность...»:

Какая простота в последней сложности!
Как разрешает все прикосновенье
Острейшего клинка к тому узлу
Из трепетных надежд и безнадежности,
Из целости и раздвоенья,
Из частых смен земного тяготенья
К добру и злу!

И ни гордыня, ни заносчивость, ни ненависть к народу, ни презрение к иной, формирующейся там новой, неведомой доселе советской культуре, – не звучали в ее стихах. В противовес другим поэтам-эмигрантам Мария Волкова помнила все самое доброе и светлое – тем и жила и гордо и целомудренно пила свою горькую чашу до дна. И все же в стихотворении «Молитва» она молится не за души обидчиков, а за дорогих ее сердцу людей:

Боже, огради от сетей врага
Тех, чья кровь, чья жизнь всем нам дорога,

Доблесть их яви в рыцарской красе –
Пусть в чужих рядах их узнают все!

Осени крылом воинство твое,
Закали огнем бранное копье,
Сердце освяти верное в груди
И в страну отцов снова приведи!

«В стихах Марии Волковой есть строгость, целомудрие, простота и ясность. Она музыкальна, у нее нет ломанья и украшательства. Она никому не подражает и не ищет эффектов, хотя ее стих вовсе не старомоден...» – отзывался о поэзии Марии Волковой в 1974 году Юрий Семенов из Стокгольма [1].

«Ее поэзия в лучших ее стихотворениях приближается к вершинам того, что впоследствии было названо “белогвардейской поэзией”. Здесь она – в одном ряду с Александром Вертинским, Зинаидой Гippiус, Мариной Цветаевой, а некоторые ее стихотворения, например “Дон”, – прямо перекликаются с произведениями последней», – считает М. Н. Ивлев [23].

И во всем этом, думается, заключается сила поэтессы и, пусть запоздалое и кроткое, но возвращение ее стихами на Родину:

Но пока мы здесь, есть у нас одно
Вечное, как солнце, достоянье:
Нам на черный день в собственность дано
Вместо тленных благ воспоминанье.
В нем и только в нем
Вечно мы живем! [1; 160]

«Хлеб, слезами смоченный, был скуден...»

А между тем в Германии «окончательно утвердился национал-социализм. Происходили присоединения чужих территорий...» [5; 117]. Не миновала эта участь и Мемельскую область, где жили Эйхельбергеры.

Александр вынужден был переменить литовское подданство на германское, подрастал Алик – «потенциальный солдат»! Скоро его призвали в «arbeitdienst», а с началом войны мобилизовали в армию, где он потерял здоровье. Рабочий персонал Эйхельбергеров был призван в армию, и в хозяйстве им помогали теперь военнопленные, к которым у Марии было доброе отношение: она их хорошо кормила, лечила, тайком писала на родину письма, за что однажды, по доносу брата мужа, чуть было не угодила в тюрьму. К счастью, донос не сочли заслуживающим внимания и Марию Вячеславовну отпустили, а обидчика отправили «в завоеванный немцами Киев для надзора за днепровским речным транспортом» [5; 117].

Шла Великая Отечественная война. В 1944 году, несмотря на сложную обстановку в мире, в Париже при финансировании Краснова¹², возглавлявшего тогда Главное управление Казачьих войск при министерстве Восточных тер-

¹² Несмотря на мое резко негативное отношение к Н. П. Краснову за его службу гитлеровской Германии, вынуждена писать о его роли в жизни нашей соотечественницы.

риторий Германии, вышел следующий сборник М. Волковой «Стихи», которым она была крайне разочарована вследствие небрежной работы по изданию Н. Н. Туроверова.

А несчастья продолжали сопутствовать Марии. Жизнь в волнениях, без отдыха, эмоциональное перенапряжение дали о себе знать: «нервы пришли в недопустимое состояние» и начали отниматься ноги! Интенсивное лечение и отдых в больнице поддерживали ее здоровье на «период особенных испытаний».

Но беда не приходит одна... «Непоправимо-больного» сына, большую часть времени проводившего в лазаретах, отправили на фронт, на верную гибель. И вновь Марию выручил Краснов. Он устроил Алика переводчиком при Казачьем управлении, а с приближением советских войск к Берлину сын, вместе с управлением, эвакуировался в Северную Италию.

«Должно быть, утонченной пытки нет...»

Фронт приближался, предстояла эвакуация за Неман. Нужно было покидать Хейдебрух. Пришло время уничтожить все, что напоминало о Родине и дорогих сердцу людях.

Пять дней Мария Вячеславовна жгла книги, газеты, рукописи, тетради и письма. «Как это было страшно! – пишет она. – Господи! Какая это была боль! Не только душевная, но и явственная – в сердце... До тех пор я не имела представления об ужасе – предавать огню письма друзей... Они казались живыми – оживали в огне и строчки перед тем, как сгореть, принимали вид напитанных кровью... С каждым письмом уходил кусок жизни...» [5; 118]

Должно быть, утонченной пытки нет,
Той пытки, что не раз уже прошли мы:
Бросать в огонь единственный портрет,
Бросать в огонь дневник неповторимый... [5; 120]

Навсегда распрощавшись с Хейдебрухом, осень 1944-го и зиму 1945-го они задержались в деревне Крафтсхаген, в Восточной Пруссии. Впереди Эйхельбергеров ожидал последний, не менее тяжелый путь отступления. Снова скитания, ночевки в лесу и в случайных углах незнакомых деревень, голод, страх перед неизвестностью, опасность мобилизации в гитлеровскую армию мужа...

В письме к старинному заочному другу 19 октября 1944 года Мария писала: «Теперь “волна событий” несет нас куда-то: вынесет на какой-нибудь голый откос или захлестнет навсегда...» [5; 119] Нужно было обладать, по ее же словам, какой-то «особой, упорной живучестью духа», чтобы все это вынести...

В том же письме другу читаем: «Уходя с тысячами чужих мне по крови и внутренне очень далеких людей куда-то в неизвестность, с душой, полной тревоги за тех, кого я люблю, – я не перестала жить своей собственной, глубоко запрятанной жизнью и думать о самых неподходящих вот к этой обстановке вещах! Боже, неужели нам никогда уже не увидеть хорошей, простой человеческой жизни, когда не будет больше пафоса уничтоженья, когда можно будет громко, на весь мир говорить людям простые и искренние слова – всех любить, всех жалеть?..» [5; 119–120].

«Через все мы прошли мытарства...»

Оставаться в этом местечке Эйхельбергеры посчитали невозможным, и, хотя опасность воздушных налетов была реальной, тронулись в путь. И вновь дорога в неизвестность... «В составе длиннейшего обоза» Эйхельбергеры двигались на север к побережью Балтийского моря. Впереди отступающих ждал второй Ледяной поход. 12 февраля они вышли к Балтийскому морю. Согласно указанному маршруту, им предстояло по льду Фриш-Гаффа «перекинуться в окрестности Данцига...» [5; 121]

В начале февраля выдались теплые солнечные дни, лед давал трещины: «Под толстым пластом уже не вполне благонадежного льда было море – только подумать!» [5; 121] Весь ночной путь, едва освещаемый фонарями, Александр выдержал стоя, «натянув вожжи и глядя все время вниз...» С рассветом началась бомбежка. «Во многих местах лед окрашивался кровью... А бесконечный обоз двигался и двигался дальше» [5; 121]. И так все тридцать километров...

Наконец показалась полоса берега, но прибрежный лед был покрыт водой и приблизиться к нему было невозможно. Еще несколько часов обоз двигался вдоль берега, пока не достиг местечка Кальберг. Дальнейший путь лежал через лес. По обеим сторонам дороги валялись брошенные вещи, домашняя утварь, на обочине – мертвый человек. Щадя десятилетнюю дочь, Мария пыталась заслонить от нее «все страшное», но Оля все видела. Наконец обоз в Померании... Неожиданно на одном из участков беженцев окружили советские танки.

В местечке, где располагалась русская комендатура, им пришлось провести полтора года. «Комендант, спокойный, мирный человек, никого не преследовал, а мужа моего сразу же приставил к делу, сначала по хозяйственной части, а с весной назначил надзирать за полевыми работами – в совхозе» [5; 121], – пишет Волкова в воспоминаниях.

Особенно тяготила неизвестность о судьбе сына. Летом 1945 года они узнали о Потсдамском соглашении, предполагавшем репатриацию немцев. Стали прибывать поляки, желающие занять немецкие хозяйства, и люди вынуждены были выезжать в другие области Германии. Наконец покинуть это место подошла очередь Эйхельбергеров.

«В кошмарных условиях» две недели они ждали поезда в сборном лагере Трептова. Здесь от бывших прихожан отца Александра они наконец услышали радостную весть о том, что их сын жив и находится в английском плену в Пирмонте. Благоприятным был и исход репатриации: Эйхельбергеры попали в Западную Германию.

«Так значит – жить!...»

За долгие дни своего путешествия семье Эйхельбергеров не единожды приходилось испытать на себе враждебность немцев, не познавших ужасов войны. Они делали все, чтобы не пускать беженцев на свой порог! И вновь лагерь, завешенные одеялами чужие неуютные углы... Надо было жить и начинать все сначала в местечке Хеммингштедт (Гольштиния).

К радости, скоро вернулся сын, став к тому времени вполне свободным человеком. Они делились друг с другом пережитым, и тогда Мария узнала, что

Алику выпала участь быть в «роковом Лиенце»¹³. Он успел вовремя скрыться и потому уцелел. Стихотворение «Долина смерти» звучит как реквием по казакам, погибшим в том страшном побоище:

Ты ж, поэт, свои горькие строфы,
 Что на волю прорваться спешат,
 У подножия новой Голгофы
 На коленях слагай, не дыша!
 Где-то Драва в безудержном плаче,
 Ударяя, как в грудь, в берега,
 Причитает о жизнях казачьих,
 Хладно брошенных в руки врага...

Семейство Эйхельбергеров комиссия признала «безнадежно-безработными». Они кое-как перебивались, голодали, но скоро нашлись сочувствующие им люди, ставшие друзьями: семейство Фрей, беженцы из Эстонии, глава которого временно возглавлял приход. Они помогали продуктами, теплыми вещами, спасая семью Марии от гибели!

Родина... отчизна... да была ли?!
 У чужих – чужая – я давно,
 И чужие вихри доломали
 То, что было там разорено...
 Но как странно, непривычно, ново
 В этом иноземном уголке
 Услыхать приветливое слово
 На родном любимом языке! [5; 124]

Жена пастора – Ильза Фрей – выросла в России, была русской по культуре, духовно близким Марии человеком с подобной горестной судьбой. Они подружились, и пронесли эту дружбу до конца своих дней.

Но вернемся в 1947 год... Осенью дочка Оля пошла в школу, но четырех куточков хлеба в день для успешной учебы не хватало, нужно было найти работу. По совету Ильзы Фрэй Мария Вячеславовна научилась прясть. В результате того, что приходилось часами сидеть «в облаке пыли», у нее развилась хроническая болезнь глаз:

Ни одна не сказала гадалка,
 Что придет и такая пора,
 И мне в руки достанется прялка
 Вместо милого прежде пера... [1; 17]

Большую помощь в этот непростой период Марии Вячеславовне оказывали сибирские казаки-литераторы, рассеянные по свету. Постепенно она возобновила переписку с оставшимися в живых членами не существующего уже тогда «Кружка казаков-литераторов». Н. Н. Туроверов пересылал ее стихи в газету «Русская

¹³ Лиенц – австрийский город, куда в мае 1945 г. съехалось более 40 000 казаков, воевавших против советского режима. В конце мая – начале июня 1945 г. английские оккупационные войска производили выдачу казачьих семей советским представителям СМЕРШ и НКВД, закончившуюся массовым побоищем безоружных людей. Среди выданных были П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов, М. К. Соломахин и др.

мысль», издававшуюся с 1947 года в Париже. Ее добрый друг Н. Н. Евсеев, живший в Германии, а потом в США, по воспоминаниям Марии Вячеславовны, «долго копил деньги», чтобы помочь ей в издании сборника стихов. А когда денег было достаточно, он предложил ей выпустить книгу, но поэтесса отказалась, потому что принять такую жертву не смогла.

Радовало изгнанницу, что «в этих глухих уголках» она не чувствовала себя забытой. Писал и земляк Г. Д. Гребенщиков из США. Он присылал ей фотографии процветающей тогда Чураевки, – русской деревни, организованной им в 75 милях от Нью-Йорка в штате Коннектикут. Роману Гребенщикова «Лобзание Змия» – седьмому тому его эпопеи «Чураевы» – Мария Вячеславовна посвятила большой очерк: «Седьмой том. Перечитывая “Чураевку”», напечатанный в газете «Русская жизнь» (Сан-Франциско).

Получала Волкова и радостные весточки из Сан-Франциско от соотечественницы – Таисии Баженовой¹⁴. Узнав о бедственном положении подруги, Таисия Анатольевна организовала ей помощь, и скоро Эйхельбергеры стали получать продовольственные посылки, поддержавшие их в тяжелый период.

Жизнь в Германии постепенно улучшалась: отменили карточки, Алик, как инвалид по здоровью, получал государственное пособие, женился, поступил в университет в Марбурге. И как будто все налаживалось, но душу Марии, ее мысли и по ночам не оставляла ностальгия:

Во сне порвется, громохая,
Давно заржавевшая цепь...
И на свободе я узнаю
Мою покинутую степь.
Над нею небо в чистых звездах;
Мерцающая, манит Млечный Путь.
Живительный, бодрящий воздух
В последний раз вольется в грудь.
Невнятные, как в детстве, сказки
Зашепчут стебли ковыля.
И я прильну в последней ласке
К устам твоим, моя земля!

Вскоре семья Марии Волковой обрела достойное пристанище. Вслед за пастором Фреем и Ильзой Васильевной, Эйхельбергеры перебрались с севера на юг Германии, в Баден-Вюртемберг.

Но вот пришла пора начать сначала
И в жизнь войти ступенька за ступенью
С оглядкой, неуверенно, несмело,
Чтоб исподволь приноровиться к ней!
Как это трудно все-таки и странно
Привыкнуть к свету после преисподней,
К дарам освободившейся свободы
И просто к позабытой тишине! [1; 13]

¹⁴ Т. А. Баженова (1899–1978), поэтесса русского зарубежья, дочь казачьего полковника, А. Д. Баженова. Родилась в г. Зайсан. Эмигрировала в 1920 г. в Харбин, затем в Сан-Франциско.

Но скоро свалившаяся на Марию Вячеславовну болезнь была как приговор. «По причине неосторожности местного врача» ей случайно удалось прочесть свой диагноз, который ничего хорошего не сулил. Финал недуга был один, но к нему вели «три варианта»: скорченность, слепота или паралич. Надо было обладать невероятной силой духа, чтобы не поделиться бедою с семьей: «Свою роковую осведомленность я должна оставить только для себя!» [5; 129]

Семь лет Мария Вячеславовна находила в себе силы скрывать диагноз от родных: «Никто не знает, чего мне это стоило...» Но надо было держаться, не отравляя неизбежным жизнь другим. Несмотря ни на что, она продолжала печататься в «Русской мысли», благодаря чему регулярно получала газету и была в курсе литературных новинок.

«Есмь – живу, еще пою и стражду!»

Однако неожиданно последовавшая за тем новость «взволновала меня чрезвычайно». Из Парижа до поэтессы донеслась молва о том, что никакой поэтессы Волковой не существует, а за женским псевдонимом скрывается Николай Тuroверов! Удивительно, что в этот слух в писательской среде поверили. Сам же Туроверов – не хочется в это верить! – не опровергал слухов... Бунтарский дух поэтессы не давал ей молчать: «Необходимо было доказать, что я существую и как индивидум, и как поэт!» [5; 129] Вновь пришли на помощь верные друзья. Знавший ее с детства полковник Солнцев, бывший атаманом Сибирской казачьей станицы в Сиднее и имевший первую книжку ее стихов, подтвердил существование поэтессы Волковой. Заявление от станицы было размещено в «Русской мысли». Не стал молчать и Науменко, возмущенный лживыми сплетнями и выступивший на страницах той же газеты. И так, всем миром, друзья-казаки заступились за поэтессу.

Что в ответ на вымысел скажу,
 Мерно приближаясь к рубежу,
 За которым должен скрыться каждый?
 Все равно мой голос слишком тих,
 Не услышат люди слов моих:
 «Есмь – живу, еще пою и стражду!» [1; 96]

«Я, крепясь еще, жду финала...»

Мария Вячеславовна продолжала жить с мыслью о финале зловещего диагноза и постепенно стала сомневаться в его правильности. За уточнением она обратилась к авторитетному неврологу Баден-Бадена. Обследовав Марию Вячеславовну и расспросив о ее жизни, он пришел к выводу, что диагноз ошибочен, а ее плохое самочувствие связано с крайне расшатанной нервной системой. В результате он вынес ей другой, менее угрожающий вердикт.

А потом было неудачное замужество дочери, прогрессирующая болезнь сына, его постоянные мысли о смерти. От бесконечных волнений муж Марии не выдержал и слег. В это время и до конца дней они жили в деревне Оттерсвейер, недалеко от Баден-Бадена. В 1972 году верный друг поэтессы Александр Алек-

сандрович Эйхельбергер умер. С уходом мужа, а потом и близких друзей Мария крайне тяжело переживала одиночество. Слабела память, «на стихи как будто положен был запрет», наступала немощность.

Среди камней, одна, с последней силой
Должна печаль и немочь побороть я.
О, только бы душа не уступила
В борьбе с изнемогающею плотью! [1; 14]

В чужих землях, «в своем ущербном бытие», несмотря на угасающую память, она продолжала работать, готовя к изданию последний сборник стихов. Что же это за «таинственный стержень», что подвигал Марию жить? Откуда такое терпение и мужество? Этот вопрос я задала В. Г. Толстовой. «Все Толстовы были военными, поэтому характеру и стойкости Марии Волковой, и других женщин в семье, удивляться не приходится, — это гены и строгое воспитание: не жесткое, а именно по-дворянски строгое. Убедена в этом!» — ответила Вера Георгиевна [18].

А еще, думается мне, истовая любовь к Родине и надежда вернуться. Там, у чужих берегов, она могла писать только о ней, мысленно устремляясь в милые сердцу края. Это укрепляло ее дух и подвигало к творчеству. «...Для нее всегда на первом месте будет стоять — видимо, не в силу принципа, а по непреодолимой, может быть, до конца не разъяснимой внутренней потребности, — моральная красота, проблема добра и справедливости», — писал в 1956 году в статье «Красота самоотречения» Владимир Рудинский [14; 148].

Мария Вячеславовна Волкова умерла 7 февраля 1983 года в госпитале Оттерсвейера. К сожалению, поэтесса не успела увидеть свой сборник, над составлением которого работала последние несколько лет. Авторы вступительной статьи Э. Добрингер и Б. Штайн писали, что выход его задерживался «из-за болезни поэта и тщательной, самокритичной правки рукописи» [1; 10]. Тщательной, самокритичной правки... Как это похоже на М. В. Волкову!

Итоговый сборник «Стихи» вышел через восемь лет после смерти поэтессы, в 1991 году в Мюнхене, в издательстве «Петер Д. Штайн». В нем Мария поет о боли и тоске по Родине, не желая свыкнуться с мыслью о том, что умереть ей суждено на чужбине.

Читаю-перечитываю книгу стихов М. В. Волковой. Перелистываю последнюю страницу ее воспоминаний, теперь уже в подлиннике, — их выслал в дар музею М. Н. Ивлев, — и не покидает мысль: как могла Мария Волкова, знавшая безоблачную Сибирь лишь в детстве, впитать в себя столько любви и нежности к Родине, осознавать себя дочерью страны, которая, словно бы «подавшись наважденью», от нее «сама же отреклась»? И все же в своей поэзии изгнания она не приемлет земли иной, душой и мыслями она у родного порога:

Под ногами вереск лиловый,
Сосны высятся прямо и строго, —
Даже в этой стране суровой
Красоты бесконечно много.
По верхушкам кружится ветер,
Шуму леса привычно внемлю,

Грустно, грустно тому на свете,
 Кто родную покинул землю.
 Сколько всюду великолепий
 Ты рассыпал, Господи-Боже!
 Но мои далекие степи
 Мне навеки всего дороже.
 Ах, когда-то было иначе:
 Захлебнешься порой тоскою –
 Вот как вспомнишь простор казачий
 С серебристой ковыль-травой.
 Можно свыкнуться с каждой болью,
 Но одна свежа и поныне:
 Нет былого душе раздолья,
 Не растет ковыль на чужбине!

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова М. В. Стихи. Мюнхен: Изд-во «Петер Д. Штайн», 1991.
2. Сибирский казак. Вып. 1: Переиздание Войскового юбилейного сборника Сибирского казачьего войска, изданного в Харбине в 1934 г. Бийск: ИД «Бия»; Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2009.
3. Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы / сост.: А. А. Краснощеков, В. А. Суманосов. Барнаул: ИД «Барнаул», 2009.
4. Волкова М. В. Старые места // Сибирский казак. Вып. 2. Харбин, 1941.
5. Волкова М. В. Воспоминания / Предисловие, подготовка текста и комментарии М. Ивлева // Простор (Алматы). 2002. № 10.
6. Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. Семипалатинск, 1900.
7. Сергеевичев Д. Генерал-майор Волков. Белое дело. Мемориально-просветительский и историко-культурный центр.
8. Шулдяков В. А. Гибель генерала В. И. Волкова и судьбы лиц из его ближайшего окружения // Сибирский исторический альманах. Т. 2: Сибирь на переломе эпох. Начало 20 века. Красноярск: Версо, 2011.
9. Шулдяков В. А. Сибирский период жизни казачьей поэтессы Марии Волковой // Казачество Сибири от Ермака до наших дней. История, язык, культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28–29 октября 2010 г.). Тюмень, 2010.
10. Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003.
11. Туроверов Н. Н. Горечь Задонской долины... Поэзия, проза и публицистика. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2006.
12. Зайцев Б. К. Повести и рассказы. Москва: Худ. лит., 1989.
13. Литературное наследство. Иван Бунин. Кн. 1. Т. 84. М.: Наука, 1973.
14. Рудинский В. А. Возрождение. Париж, 1956.
15. Толстов В. С. От красных лап в неизвестную даль (Поход уральцев). Константинополь, Типография изд-ва «Пресса», 1921.
16. Волкова М. В. Песни Родине. Харбин, 1936 г. [Архив В. Г. Толстовой (Москва).]
17. Толстов М. В. (Mike Tolstoff, Australia, Brisbane).
18. Толстова В. Г. Письмо в ВКОМ. 2016.
19. Лобиков А. В. Семейный архив. Санкт-Петербург, 2016.
20. Титова Л. А. Воспоминания. 1984–1987 гг. [Семейный архив В. Г. Толстовой.]
21. Государственный архив ВКО. Ф. 752, оп. 6, д. 12, л. 22, об. 23.
22. Хохульников К. Н. Живая летопись страдания... [Семейный архив (Ростов-на-Дону. 2016 г.). Текст К. Н. Хохульникова не опубликован.]
23. Ивлев М. Н. «Певница доблести, скорби и неизбывного горя» // Станица. 2003. № 2(40).
24. Шмелев И. С. Везд в Париж. М.: Олма-Пресс, 2003.

